

● **Разговор с космосом**
Космический странник Сергей КРИКАЛЕВ завтра возвращается на Землю, а пока он ответил на вопросы нашего обозревателя

28

часть 3 КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

НОВАЯ ГАЗЕТА. 2005. 10-12.10. - с. 21, 23

Можно ли идти на компромисс с властью? Смотря на какой? И с какой властью? Чем можно жертвовать, а чем нельзя? Стоит ли интеллигенции с властью сотрудничать или она всегда должна быть в оппозиции? А может, ее место в стороне от общественной жизни, главное для нее — собственное дело? И вообще, где граница между конформизмом и толерантностью?

Олег БАСИЛАШВИЛИ блестяще сыграл в кино по крайней мере двух

конформистов — безобидного для окружающих (кроме самого себя, жены и любовницы) в «Осеннем марафоне» и опасного — в «Служебном романе».

В раннеельцинские годы Басилашвили входил в Комиссию по культуре при Верховном совете, но от поста министра культуры отказался.

Захотелось поговорить с ним об отношениях интеллигенции и власти сегодня.

Олег БАСИЛАШВИЛИ:

«Мы для них балалаечники»

Об отношениях власти и деятелей культуры

— В советскую эпоху интеллигенты шли на компромиссы с властью, но при Сталине, например, на кону стояла жизнь или дело жизни. А теперь, мне кажется, конформистами становятся ради благосостояния.

— Понимаете, я не могу конформиста причислить к лику интеллигенции. Раз он конформист, он уже не интеллигент.

— Давайте назовем их деятелями культуры. Или творческой элитой. На ваш взгляд, как изменились сейчас отношения творческой элиты с властью?

— Что меня смущает в последнее время, как, впрочем, смущало и всегда? Тот самый, мягко говоря, конформизм, о котором вы говорите. Да, он свойствен части нашей, скажем так, «элиты».

Я не готов скопом обвинять тех, кто, например, подписал «письмо пятидесяти». Среди них есть люди, которые искренне так думают. Ну дай им бог здоровья, если

они искренни.

— Мне кажется, подписывать письмо можно только в защиту. Ну или против власти. А не против человека, который сидит в тюрьме, кто бы он ни был.

Один режиссер отказался подписать это письмо, теперь его театр не вошел в список на государственное финансирование, другой подписал — и его театр (куда менее популярный среди театралов) вошел.

— К сожалению, так. Жалко, что власти не нужны люди, имеющие свою точку зрения.

Вот когда в 38-м году клеймили Мейерхольда, Станиславский устроил его в свой театр. Хотя они были непримиримыми соперниками.

Этот поступок мог стоить ему жизни. А другие в это время аплодиро-

вали расправам над «врагами народа».

— Тогда были страшные времена. А сейчас-то чего аплодируют?

— Зарабатывают хлеб таким образом. А может, это такая любовь к своему театру? Не знаю.

— Раньше все-таки и мотивы, и цели были идеологические, а теперь, по-моему, все свелось к обогащению.

— Это результат того, что всю жизнь нам говорили: бытие определяет сознание. Это ложь. Задача интеллигенции, тех самых людей, у которых нравственный императив существует внутри, — разбудить его у всех остальных.

— А как? Хорошо делать свое дело — и все?

— Существуют кризисные моменты, когда невозможно стоять в стороне. Во время путча 1991 года Лия Ахеджакова появилась на экране телевизора и призвала, чтобы, не дай бог, не пролилась кровь. А Ярмольник и Ширвиндт сказали: нечего нам в это лезть. Я их не понимаю.

— А сейчас кризисный момент?

— Мне кажется, нет. Сейчас момент полуобзврата назад. Если бы мы хотели жить по-новому, мы должны были бы осудить прежнюю идеологию. Этого не произошло. Наверное, еще рано. Поэтому начинать надо с себя. Работники культуры — от сельского библиотекаря до директора Эрмитажа — ответственны перед народом. Раз ты интеллигент, ты должен делать что-то, чтобы люди вокруг тебя менялись в лучшую сторону.

(Окончание на стр. 23)

● **Почему первыми на Руси крестились князья с дружиной, а не купцы**
Продолжаем публиковать черновик другой истории России.....22

● **Юрий ПОЛЯКОВ: «Тактически наш менталитет можно победить, а стратегически — нет».....25**

СТАРОДУМ

Урок элитературы

Наша «элита» живет по законам пародии

Станислав РАССАДИН,

обозреватель «Новой»

Начну элегическим вздохом. Прошедшим летом мы с женой простились — и навсегда! — с Малеевкой. С легендарным Домом творчества писателей, завсегда бывавшими, жутко помыслить, аж с 1963-го. С запущенным, траченным, уже несколько раз перепроданным раем.

Говорят (доверчиво питаюсь упорными местными слухами), теперь он куплен Еленой Батуриной. Или ее представителями. Или... Не важно. Говорят, здание «сталинского ампира», которое экскурсоводы из соседствующих санаториев смело объявляли именем графов Шереметевых (колонны! портики!), несут — да, наверное, уже сносятся под корень. Говорят, будет воздвигнуто нечто на уровне и по цене пятизвездочного отеля. Говорят... Словом, много чего будет: и крытое поле для гольфа, чтобы, значит, играть даже зимой, и вертолетный аэродром. Чего только не наговорят...

Так или иначе: «Которые тут временные? Слазь!». Мы и слезли. Логично.

Хотя той Малеевки все-таки жаль. Вспоминаю... Вот на этой скамье у пруда, летом, сидим с Сашей Галичем, а из-за поворота выходит, подумав, Николай Эрдман: живя неподалеку, заглянул Галича навестить. На берегу того же пруда, только ноябрьского, изощренно глумлюсь над терпеливым Гришей Гориним: будущая звезда рыболовства только еще учится забрасывать спиннинг, и леска запутывается и запутывается. С этого крыльца сбегаю навстречу Булату Окуджаве, нежданно прикатившему на мой — сороковой — день рождения. Под этим дубом, впрочем, уже несколько лет как сгнившим и рухнувшим, тот же Галич и Толя Аграновский хищно дожидаются, когда один из них отпоет свое, чтобы перехватить гитару. Здесь бродим с моим любимым Семеном Израилевичем Липкиным; здесь — со Славой Кондратьевым, не подозревая — ни он, ни тем более я, — что, воротившись в Москву, он пустит в себя пулю... Да что говорить!

Не пою отходную. То есть почему бы не спеть — и нашему раю, и нам, — но не в этом дело. Как и не в размышлениях насчет прав и возможностей тех, кто теперь (навсегда?) или всего лишь надолго? становится постоянным. С ними все ясно. Как и с нами, оказалось, временными, все, извините, просравшими.

Занимает меня совсем малый пустяк. Опять-таки говорят, что будет сохранено название «Дом творчества», и прежде-то шокировавшее меня своей пышностью. Сохранено — или узурпировано? С одной стороны — номера, может, по тыще баксов за ночь, гольф, вертолеты; с другой — тени Паустовского, Пришвина, Твардовского, Маршака, Гайдара (не того, не того — дедушки). Эффектно. Да пригласи они меня — за хорошие деньги, предупреждаю! — дизайнером, уж я бы... Правда, на большее, чем придумать портретную галерею тех, кто здесь жила, моего дизайнерского таланта уже не хватает.

Зачем? (Я — об имени.)

Обаяние прошлого и знаменитых, подчас великих имен? Возможно; конечно, ежели допустить, что Галич им дорог не меньше Газманова, а Паустовский соразмерен Оксане Робски.

Или — удовлетворенность победителей, напоминающих себе, кого победили и заместили? Нет, это чересчур тонко.

Зато становится ясен характер нынешней преемственности.

Взять хотя бы первое, что всегда приходит на ум: пресловутый михалковский гимн. Говорим — я сам порой говорю — о воскрешаемой традиции сталинизма; отчасти, может, и так, хотя, если подумать, какой сталинизм? Какие традиции, столь же невоскрешаемые, сколь сама фигура тиранина, цепенившего народное, массовое сознание? (Страх возвращается — это да, уже вернулся, но больше страх за карьеру, за благополучие, подчас и за личную свободу; пока не за саму жизнь. Пока — не иррациональный.)

Не традиция, а пародия на нее — как пародийная замена приоритетов: «Нас вырастил Сталин...» на «Хранимая Богом...».

У пародии есть одна несомненная сила, одно достоинство: она, случается, переживает оригинал, которому не воскреснуть. Кто помнит не такого уж дурного поэта Щербину — а блистательный Прутков на слуху. Но есть и опасное свойство: она разрушает, унижает... Ладно, скажем: снижает красоту и достоинство. Занесся в «святых мечтах земли»? А мы тебя — мордой в грязь!

Пародией можно восхищаться. Жить в спародированном мире нельзя. Дышать нечем, и если обитатели новой Малеевки (понимая ее широко, не уже России) обходятся своим искусно-искусственным миром, радостно не замечая, что помимо прочего и смешны (на здоровье!), то стоило бы подумать о нас, нижестоящих. Какое существовать в обществе, где «элита», считающая себя таковой без кавычек, живет по законам пародии? Самовоспроизводящегося гротеска?

...Кстати. Интересно бы знать, какую символическую скульптурную группу поставит в центре обновленного рая любимец семьи Церетели. «От Гайдара до Гайдара»? Или — «Придворные гитаристы Галич и Окуджава поют величальную выходящим из вертолета...»? Да кто бы из VIPов ни вышел — кого попало сюда уже не допустят.

ИТАР-ТАСС